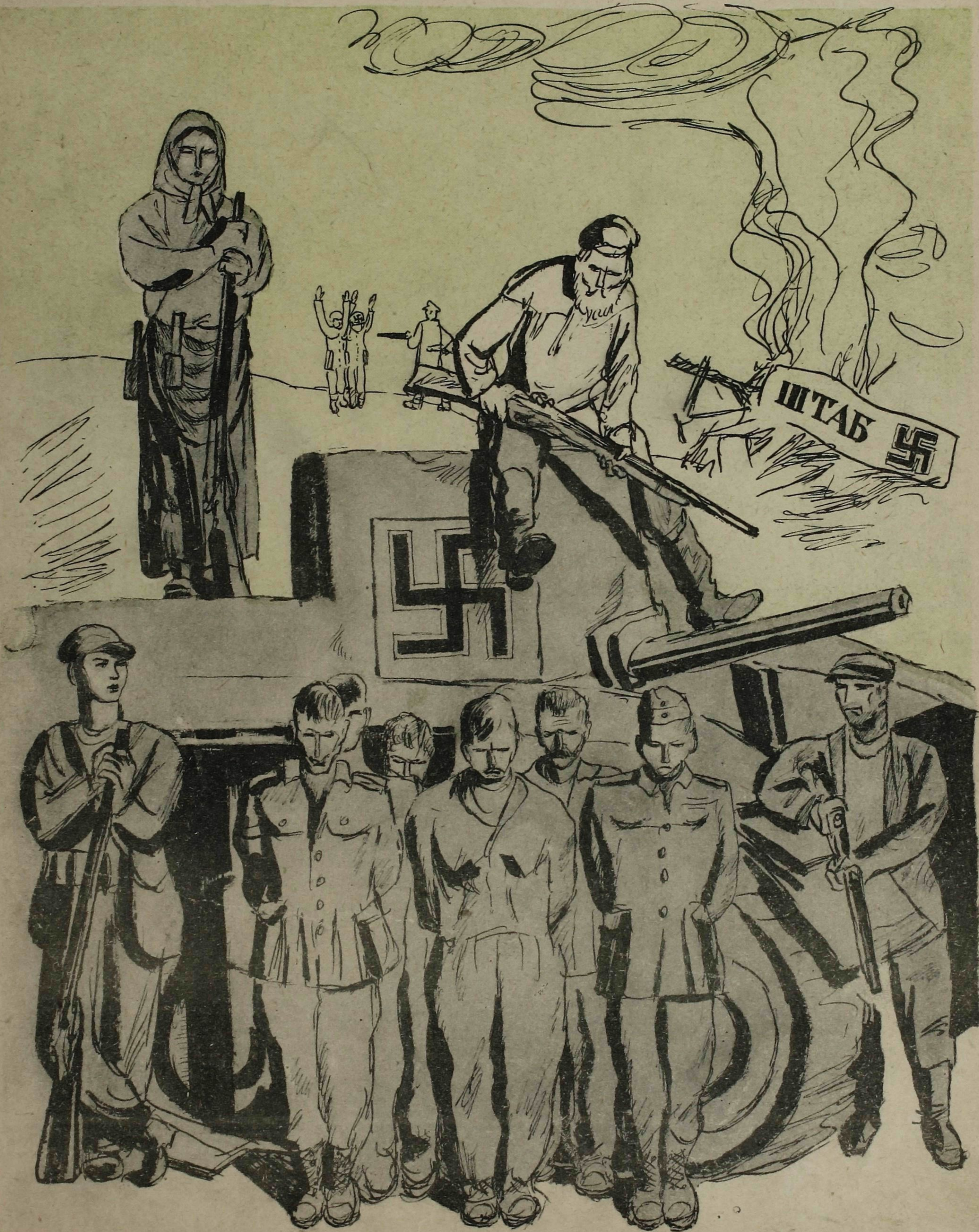

К Р О К О Д И Л

Трудовые колхозников-партизан

Рис. М. Черемных

Рис. Л. Бродаты

— Я всегда говорил, что Гитлер без меня шагу ступить не может.

В ГЕРМАНИИ

— После каждого сражения Гитлеру здорово приходится зализывать свои раны.
— Да, языком Геббельса.

Принято на вооружение...

ГЕНЕРАЛ-майор фон Бутерброд решил, наконец, круто расправиться с мародерами.

— Они пятнают славное знамя моей дивизии,— сказал он адъютанту и, вынув из кармана золотые часы, добытые при штурме одного варшавского ювелирного магазина, добавил:— Однако третий час... Приступим, капитан!

И они твердым шагом направились прямо к танку лейтенанта Морица Тышке.

Танк Морица Тышке был закрыт на переучет. Сам Мориц, сбросив офицерский китель с тремя железными крестами, ворошил груды трикотажа, отрезов, ботинок, ботинков, горшков, ковров и посуды.

— Ого, лейтенант!— с завистью воскликнул фон Бутерброд, просовывая голову в машину.— Ваш танк напоминает берлинский универмаг в те далекие счастливые... в те далекие гнусные времена, когда там еще были товары... Хочется подойти к прилавку и попросить что-нибудь завернуть.

— Что прикажете, господин генерал?

Генерал уже собрался было приказать, но тут адъютант напомнил:

— Мы пришли бороться с мародерами. Вы хотели стереть с славного знамени дивизии кличку автотобанды...

— Ах да!— спохватился, фон Бутерброд, резко меняя тон.— Что это за безобразие, Тышке?! Разве вы не знаете, что в боевом танке могут находиться только те предметы, которые приняты на вооружение в германской армии? Что это за хрустальная люстра?

— Простите, господин генерал, но эта люстра дорога мне как память.

— Как память? О ком?!

— О ее владельце. Мне пришлось застрелить этого глупого поляка...

— Недурно придумано... Ха-ха-ха.. А на память о ком, лейтенант, вы завалили танк всеми этими пачками мужского белья?

— Это— не мужское белье, а дамское,— поправил Тышке.

— Разве?.. Гм... И, знаете, довольно неплохой трикотаж... Жена как раз просила приглядеть для нее что-нибудь в этом духе...

Лейтенант взял экземпляр «Фелькишер беобахтер» со статьей Геббельса о рыцарском духе немецких офицеров и стал старательно завертывать довольно толстую пачку дамского белья.

— Послушайте, капитан,— сказал, наконец, фон Бутерброд, круто повернувшись к адъютанту.— Все-таки мы должны помнить, что благодарное население захвачен... то есть освобожденных областей не оставляет своим вниманием наших офицеров... Взять хотя бы это... гм... дамское трико... Поскольку пачки таких трико мы видели почти во всех танках, будем считать, что они... гм... приняты на вооружение танковых частей германской армии...

Адъютант почтительно наклонил голову. Тышке просто пришел в восторг от мудрости начальника дивизии:

— Разрешите тогда просить, господин генерал, принять на вооружение в танковых частях также дамские туфли на французских каблуках... У меня их двадцать две пары...

— Французские каблуки?.. Что-то неловко получается, Тышке... Германская армия— и вдруг... фи... французские каблуки... Неужели там не было других каблуков? Ну, хотя бы румынских...

— Откуда у румын возьмутся каблуки, если у них вся армия босая!.. Когда мы устанавливали новый порядок в этом обувном магазине, других туфель не было...

Когда же Тышке со вздохом взял «Фелькишер беобахтер» и стал заворачивать туфли в очередную пачкотню доктора Геббельса, генерал добавил:

— Не забудьте, лейтенант, что у меня на вооружении не только жена, но еще две дочери, свояченица и племянница...

Евг. БЕРМОНТ

— Служба в танковых частях куда легче, чем в пехоте.
 — Почему?
 — Да разве на себе столько утащишь, сколько на танке.

Короткие очереди

ХОРОШЕЕ ПРАВИЛО

У торпедных катеров
 Правило такое:
 — Здравствуй, враг, и будь
 здоров —
 Вечного покоя!

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Удрав из Бухареста,
 Сменивши местожительство, —
 Иду любого места.
 Румынское правительство.

ЛАКЕЙ ЗАДЫХАЕТСЯ

— Ты мундир мне перешей-ка! —
 Маннергейм сказал жене.
 — Он вот здесь, у першейка,
 Что-то горло давит мне!

ВОЛЧЬИ ВРАКИ

Волк, придя из лесу, врал:
 — Я охотника задрал!
 Верьте слову! Видит бог! —

И... от раны тут же сдох.

* * *

Этой басни смысл и толк
 Пусть поймет фашистский волк.

ТОЧНАЯ СВОДКА

Таннер Маннера спросил:
 — Как успехи наших сил?
 Маннер Таннеру в ответ:
 — Гитлер знает, а я — нет!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

**В ПРИФРОНТОВОЙ
ПОЛОСЕ**

Рис. Н. Лисагорского 1941г.

- По справочнику эта местность полна лесов.
- А на самом деле?
- Леса полны партизан.

Рис. А. Каневского

— Дурацкий этот румынский инструмент: играешь на нем победный марш, а получается похоронный.

Боевые частушки

Пес фашистский, вой, рыщет
Возле нашего крыльда:
Чем полакомиться ищет.
Дайте порцию... свинца!

У вояк из Гельсингфорса
Не по чину много форса.
Осторожней, Гельсингфорс,
А не то собьем твой форс!

Бил вояк румынских всякий.
Вот так «доблестная» рать!
А румынские вояки
Нас пытаются пугать.

Сколько мрази в этой куче!
Так сказать, сплошной навоз.
Вот так смех! Побитый «дуче»
Шлет нам тысячи угроз.

Стая псов фашистских рыщет
Возле нашего крыльда:
Чем полакомиться ищет.
Дайте порцию... свинца!

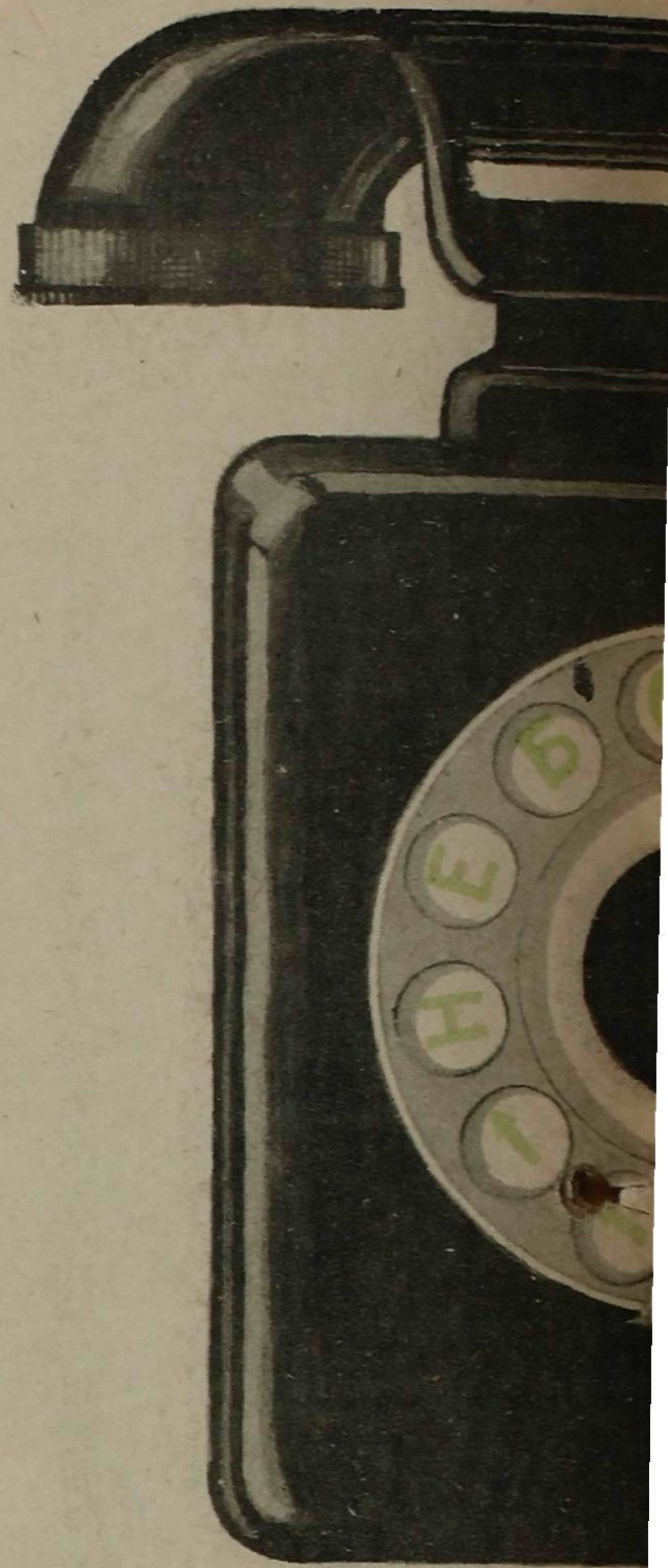
М. ЯКОВЛЕВ

В РУМЫНИИ

Два нейтральных журналиста делятся впечатлениями:

- Плохо, очень плохо стреляют румынские солдаты!
- Потому что они не туда стреляют, куда хотят.

Рис. Б. Клинка

Надо помнить гра
Болтовня их нару

Отдел газет

(Выдержки и...)

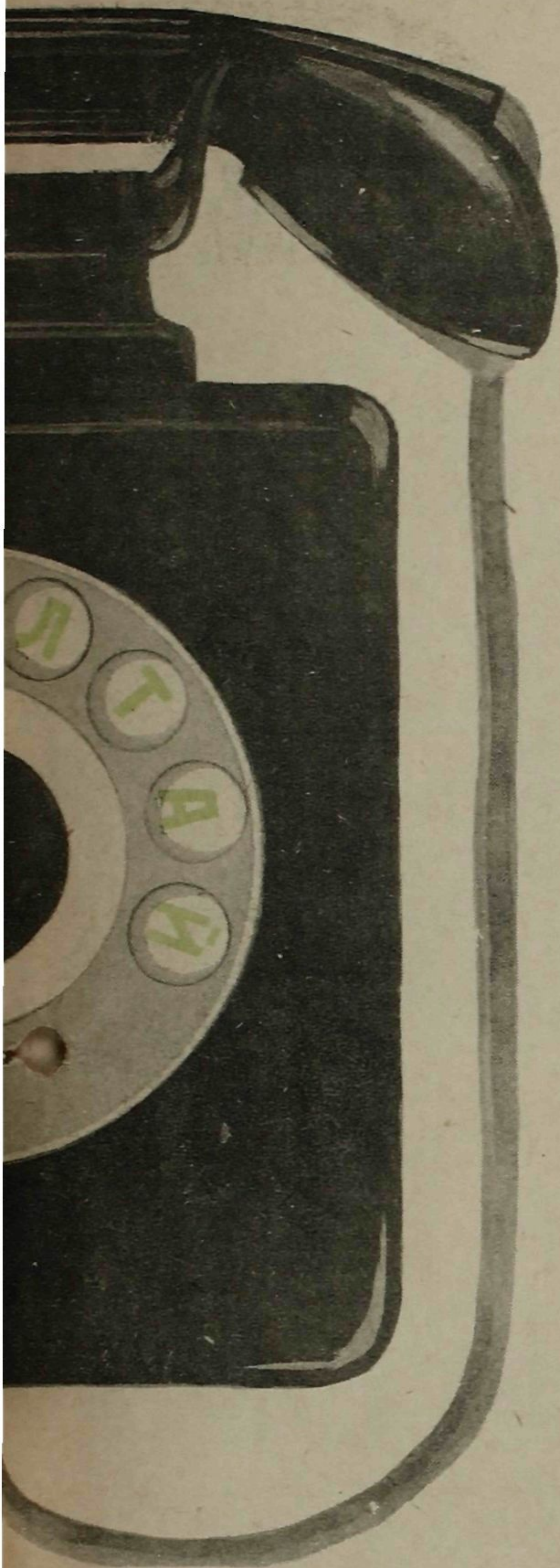
**СУРОГАТНАЯ МАСТЕРСКАЯ
«ХАЙЛЬ ГИТЛЕР»**

Сосиски из отрубей,
Танки из фанеры,
Фюреры из отбросов.
Здесь же прием заказов на гробы.
ДИРЕКЦИЯ

**ИМПЕРСКОЕ КУО
«МЕЧТ»**

Срочное изготовление, ремонт и...
падских, русских помещиков и буржуев,
держав, аксельбантов.
Подчистка погон и подделка доку
Принимается старый белогвардей
Тор

К.

Мели, Емеля!

В некоем штабе генеральном
Восседает фон дер Вральман,
Чрезвычайно важный чин.
От обеда до обеда
Он печет свои победы
В кабинете и один.

Для азарта дернув водки,
Он строчит лихие сводки,
Сидя задом наперед;
Всем чертям на удивленье
Ежедневно без зазренья
Этот самый Вральман врет:

«Нами в плен взята без счета
Вся советская пехота,
А один наш самолет
(Небывалый случай в мире!)
Этой ночью на буксире
Притащил весь русский флот».

Вот как ловко Вральман врет!
Подойдет и твой черед:
Не замажешь ты, Емеля,
Как вас бьют на самом деле
Наша русская пехота,
Наши соколы-пилоты,
Наш могучий Красный Флот!

С. ВАРШАВСКИЙ,
Евг. ПАВЛОВ,
Б. РЕСТ

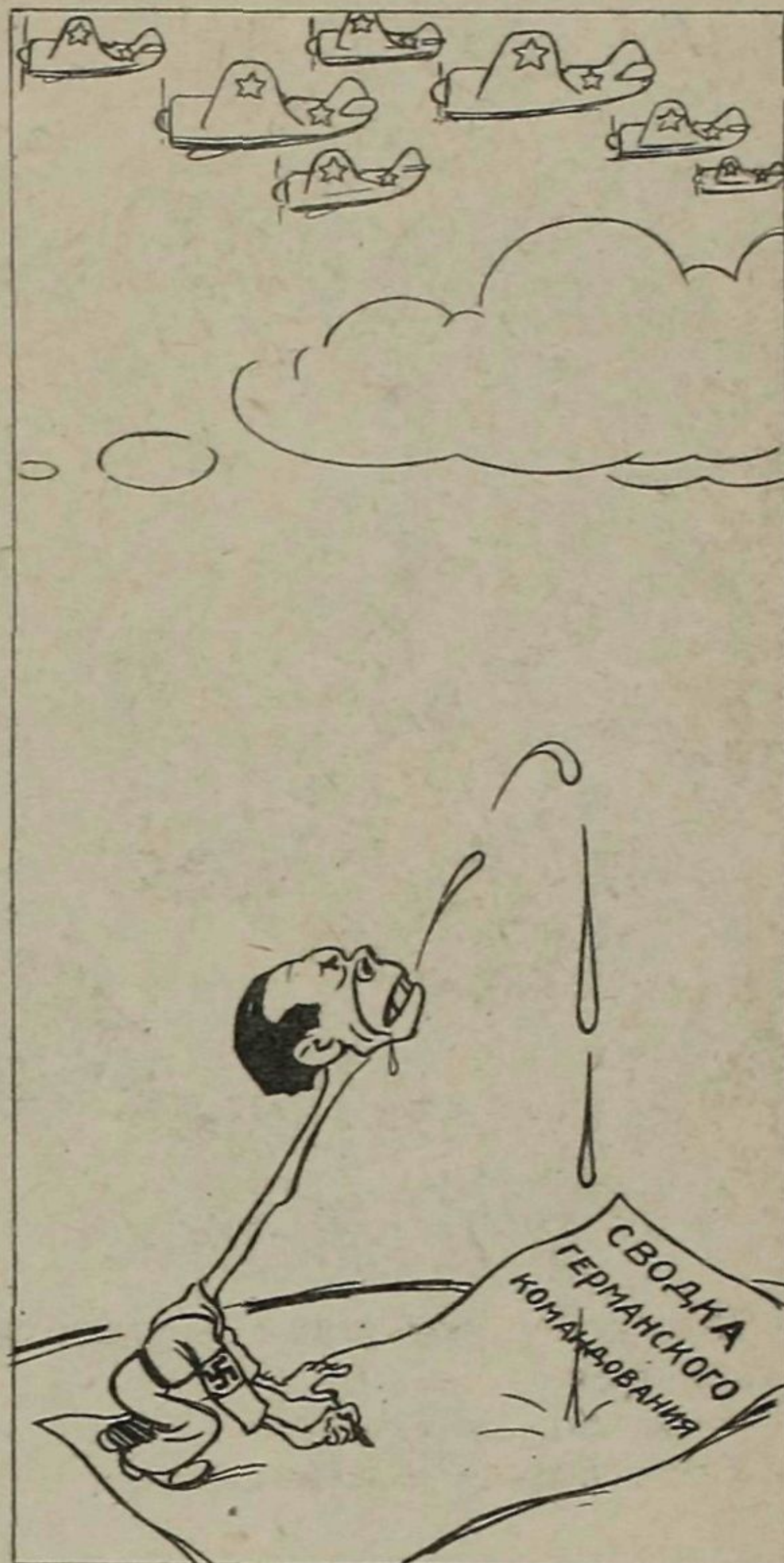
УТОЧНЕНИЕ К ФАШИСТСКОЙ СВОДКЕ

Если речь идет о взятом полотне,
Надо подойти здесь осторожно:
Речь о полотне, понятно нам вполне,
Не о железнодорожном.
Кто в бандитах понимает толк,
Догадается, что это шолк.

ГЕББЕЛЬС ЗА РАБОТОЙ

или

Рис. А. Баженова

Фашистская „зенитка“, сбившая
огромное количество советских
самолетов.

ГИТЛЕРОВСКАЯ «ЕВРОПА»

Рис. Бор. Ефимова

Союзники... то бишь союзники.

ам „речистым“:
ашистам!

Х ОБЪЯВЛЕНИЙ

транной прессы)

УЧУ ПЕТЬ петухом о победах. Пре-
восходная итальянская школа. Большой
опыт, приобретенный в Абиссинии, Ли-
вии, Греции, Югославии. Масса бла-
годарственных синяков.

МУССОЛИНИ (дуче).

Просьба: не путать с конкурен-
тами.

ОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ИИЦА»

а старых царей, князей, гетманов скоро-
же двуглавых орлов, монарших скипетров,

з.
ом.

фирма Гитлер, Геринг, Геббельс и Г°.

Рис. В. Козлинского

— Немцы у нас отобрали имущество, но, к счастью, у нас есть еще спички.

Новый расчет

Счетовод Иван Фурштадтский
Вид имел сугубо штатский.
Вел расчеты круглый год,
Разносил приход-расход.

В ополчении теперь он,
Штатский вид его потерял:
Нет сутулости в плечах,
Счетовод чеканит шаг.

Приспособил он работу
К пулеметному расчету.
Пулемет он наведет,
Чтоб врага пустить в расход.

В. ГРАНОВ

Иван Трофимыч И Трофим Иваныч

ИВАН Трофимыч и Трофим Иваныч стоят в подъезде дома № 17.

Темная, беззвездная ночь нависла над городом. Напряженная тишина.

Они дежурят, охраняя сон и покой жильцов своего дома.

— Трофим Иваныч...

— А?

— Вот уже почти час, как мы здесь стоим с вами и...

— И что?

— И ни слова друг другу не сказали.

— Мы с вами, Иван Трофимыч, не разговариваем уже четыре года.

— Что вы этим хотите сказать?

— Ничего. Хочу сказать, что можно помолчать еще три часа.

— Мне, Трофим Иваныч, необходимо вам кое-что сказать.

— Если так необходимо... говорите.

— Сегодня в газете напечатана такая заметка: «Рота лейтенанта Первухина была окружена двумя ротами белофиннов. Быстро организовав круговую оборону, лейтенант Первухин открыл по белофиннам огонь...»

— Вы даже наизусть выучили.

— Да. Лейтенант Первухин — это же Вася. Мой сын.

— Вася? Вот как! Ну, и чем кончилось?

— «Рота лейтенанта Первухина нанесла белофиннам сильный урон, вышла из окружения, захватив три вражеских пулемета». Здорово, правда?.. Почему вы молчите, Трофим Иваныч?

— Хочу молчать и молчу. У меня нет сыновей. Будь у меня сын, я бы тоже здесь в темноте прочел заметку наизусть о том, как лейтенант... то есть майор Кузнецов вывел из строя колонну вражеских танков.

— Почему вы думаете, что если бы у вас был сын, он непременно был бы майором?

— Если ваш Вася — лейтенант, то мой был бы майором.

— Пускай так. Не будем ссориться.

— Странно, Иван Трофимыч, слышать от вас такие симпатичные слова. Кто из нас первый поднял склоку из-за чулана?

— Я? Ну, это уж простите. Все знают, что это вы начали. Все знают ваш характер.

— Кто это — все? На вашей стороне только одна эта самая Кудрейкина, сварливая баба.

— Эта, по-вашему, сварливая баба Кудрейкина должна скоро сменить вас.

— И что же?

— Вы будете спать. А она будет охранять улицу, дом и вас, Трофим Иваныч.

— И что же? А теперь она спит и я ее берегу.

— Вы чудесно сказали, Трофим Иваныч. Вы ее охраняете, а она вас. Мы все спаяны общей ненавистью к врагу, заботой о родном городе. А обо всех прошлых мелких дразгах и вспоминать стыдно.

— Я сейчас и не вспоминаю. Но когда война кончится и мы раздавим эту фашистскую гадину, я еще потолкую с Кудрейкиной.

— Фашистскую гадину мы, конечно, раздавим. Но я уверен в том, что вы подружитесь с Кудрейкиной. Мы все должны теперь крепко подружиться, любить друг друга, крепче почувствовать свою сплоченность.

— Я замечаю, Иван Трофимыч, что вы здесь в темноте пытаетесь вести среди меня культурно-массовую работу. Прошу не затрудняться. Давайте лучше помолчим.

— Пожалуйста. Могу и помолчать... Разрешите внести одно предложение.

— Слушаю.

— Когда мы кончим дежурство, пойдете ко мне, чайку выпьем.

— Что?.. Чайку?.. Можно.

Г. РЫКЛИН

Сначала он приложился к бутылочке.

Потом бутылочка приложилась к нему.

Белая ворона

ПИТЕР Оберфорен стоял на пороге мастерской, глядел вдоль тихой улочки Амстердама, видел старенький фонтан, четырехсотлетний угловой дом и канал, теперь пустынный и мертвый. Он видел все то, что привык видеть с детских лет, но теперь взгляд его упирался в черный силуэт часового-немца в котлообразном шлеме, и лицо старика искажалось, и глаза вспыхивали гневом.

Оберфорен возвращался в мастерскую и шлифовал стекла, теперь уже ненужные стекла для оптических приборов. То есть они были нужны немцам, и именно поэтому Оберфорен, когда кончал работу многих месяцев, несколько мгновений любовался стеклом, а потом разбивал его молотком. Бездельничать он не мог, даже когда в городе были немцы.

Однажды утром в мастерскую Оберфорена вошел немецкий офицер. Это был седоватый, пожилой господин с двойным гладко выбритым подбородком и благожелательным выражением лица. Он вежливо поздоровался с Оберфореном и положил перед ним очки с треснувшим стеклом.

— Для вас это не составит труда, — сказал немецкий офицер, и он присел на стул у прилавка.

Офицер очень внимательно осмотрел мастерскую и самого хозяина мастерской, пока Оберфорен подбирал стекла.

— Я понимаю ваши чувства, — продолжал офицер, — вы, я вижу, трудолюбивый, добросовестный человек, знающий свое дело. Наш народ любит таких людей... Но что поделаешь: война... И, в сущности, если подумать, то именно мы спасли вашу страну, защитили ее от англичан.

— Мы не очень просили вас об этом, — сказал Оберфорен.

— Не будем вести политических споров, — улыбаясь сказал офицер. — Вы, я вижу, не только прекрасный оптик, в чем я был уверен, но и музыкант. Там, вдали, я вижу фисгармонию... и притом чудесной работы. Признаюсь вам, я сам музыкант-любитель...

И офицер переступил порог маленькой комнаты при мастерской и присел к фисгармонии. Он неплохо играл. Затем он попробовал и скрипку Оберфорена и похвалил ее чудесный тон.

Он расплатился оккупационными марками, спросил, не обидел ли Оберфорена, и, вежливо попрощавшись, ушел. Оптик швырнул на пол оккупационные марки и вернулся к своим стеклам. Однако, продолжая свою бесцельную работу, он думал о немецком офицере. И несмотря на все свое презрение и ненависть к захватчикам он все же не нашел в этом человеке ничего дурного.

Прошло несколько месяцев. Оберфорен уже забыл о вежливом офицере-немце, немало горя пережил старик-оптик. Но однажды в утренние часы вежливый офицер появился в мастерской Оберфорена. Он поздоровался со стариком как со старым знакомым, попросил разрешения поиграть на фисгармонии. На мизинце офицера Оберфорен увидел кольцо-камею чудесной работы.

— Я вижу: вы оценили эту чудесную работу, — сказал офицер, — это память о греческой кампании. Это досталось мне в Салониках, я буквально подобрал это среди развалин музея. Что поделаешь: война... — он продолжал играть, потом остановился, встал и подошел к чудесному пейзажу старинного мастера-голландца, единственной картине в комнатке старика-оптика.

— Только в Голландии можно найти такую прелесть... — сказал офицер.

— Вы очень добры, — сказал Оберфорен, — эта картина принадлежала моему прадеду, она переходила из поколения в поколение.

— Какое счастье, что эта картина сохранилась! — воскликнул офицер. — Наши молодцы так мало понимают в таких вещах.

Когда офицер ушел, Оберфорен долго молча глядел ему вслед. Наконец, он выразил свои размышления двумя словами: «Белая ворона»...

Шли месяцы... Наступил июнь 1941 года. Однажды поздно ночью старый оптик услышал сильные удары в дверь своей мастер-

ской. Это было более чем странно. Обычно никто не интересовался маленькой мастерской оптика. Оберфорен зажег свечу и подошел к дверям.

— Кто здесь? — спросил он.

— Господин Оберфорен, — услышал он знакомый голос, — пожалуйста, откройте, иначе придется повредить дверь.

Оберфорен отодвинул засов. На пороге стояли вежливый пожилой офицер и два солдата.

— Я пришел с вами проститься, — сказал офицер. — Простите, что в неурочное время. Дело в том, что я уезжаю в Россию, далеко на восток. Мне не хотелось бы подвергать ваши прекрасные вещи превратностям войны и воздушной бомбардировки... Эти англичане, знаете ли, на все способны. Поэтому, вы сами понимаете, ваши чудесные вещи — эта фисгармония, наконец, ценная скрипка и особенно чудесный пейзаж — будут в полной безопасности в моем доме, в Нюрнберге. Я уже даже выбрал для них место, и моя жена будет рада... Возьмите эту картину и фисгармонию, ребята, но деликатнее, черти! А скрипку возьму я сам...

Пока выносили фисгармонию, немецкий офицер продолжал развлекать разговорами ее бывшего хозяина:

— Да, восточный фронт... Россия, необъятная Россия с ее чудесными драгоценными мехами. Я обещал моей супруге чернобурую лисицу, и лично для себя думаю присмотреть соболью шубу. Климат России, сибирские морозы, — это, знаете ли, не шутка... Спокойной ночи, господин Оберфорен!

И он ушел, еще раз пожелав старику спокойной ночи.

Питер Оберфорен, разумеется, больше никогда не увидел вежливого офицера, мечтавшего о собольей шубе. Шуба действительно пригодилась бы вежливому офицеру. Через три недели он вместе с другими немецкими военнопленными ехал в теплушке далеко на север, в далекую Сибирь. А сибирские морозы, как известно, — не шутка...

Л. НИКУЛИН

— Говорят, что немецкая армия голодает. Пустяки! Сегодня я сам слышал, как наши солдаты говорили, что они сыты по горло Гитлером.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнл—1 р. 60 к. в месяц. Изд-во „Правда“.

Рукописи не возвращаются

А 41154. Москва. Изд. № 769

Подписано к печати 31/VII 1941 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ 2311. Тираж 250 000 экз.